

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации
на соискание ученой степени кандидата искусствоведения

Тарханова Светлана Валерьевна

АРХИТЕКТУРА СИНАГОГ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ПЕРИОДА (III-VI ВВ.) НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ ПАЛЕСТИНЫ: ТИПОЛОГИЯ, КОМПОЗИЦИЯ ДЕКОР

Диссертация С. В. Тархановой является одной из редких в отечественной историографии диссертационной работой об архитектуре палестинских синагог позднеантичного времени. Географически: речь идет о Северной Палестине. Такой выбор в значительной мере обусловлен тем, что именно в этом регионе находится значительное количество рассматриваемых памятников; другая причина - недостаточная изученность этого региона. Безусловно, избранная для диссертации тема важна для изучения архитектуры самих синагог, но также и для исследования христианского строительства в позднеантичный период. Наличие точек соприкосновения между базиликами-синагогами и базиликами-церквами обусловлено их общим источником – классической традицией в ее римских версиях. Кроме того, глубокие связи традиций иудейской и христианской в сфере литургии, внутренняя связь между иудейским культом святых, пророков и мучеников, с одной стороны, христианским культом мучеников и идеей Воскресения – с другой, - было идейной предпосылкой для некоторого сходства архитектурных решений синагог и церквей, а также декоративного репертуара той и другой группы памятников. Таким образом, тема диссертации С. В. Тархановой, важная и актуальная сама по себе, имеет широкую перспективу развития в аспекте сравнительного анализа синагог и христианских базилик Палестины. Уже в этой работе автор начинает «проводить планомерные полномасштабные сравнения между архитектурными традициями разных религий» (с. 4).

С. В. Тарханова выделяет важную проблему «значения архаизирующих традиций в синагогах», проблему соотношений консервативных и новаторских тенденций, что очень существенно для «верификация ряда датировок синагог, их реконструкций». Цель автора – показать «автономность культурно-религиозного пространства Северной Палестины» на основе анализа «стилистики иудейской архитектуры» в процессе ее формирования. Значительное место уделяется анализу художественного образа построек (с. 3-5) вообще

на протяжении всей работы С. В. Тарханова стремится оставаться на почве стилистического анализа.

Предметом анализа является большая группа памятников, включающая 80 объектов. Какие методы были применены к анализу этого обширного и разнородного материала? Автор называет их во Введении: это методы стилистический, археологический и исторический (с. 6). На мой взгляд, желательно было бы остановиться на проблеме метода более подробно. Очевидно, что речь идет о т. наз. «плюри-дисциплинарном» («комплексном») подходе, весьма рекомендуемом в разных странах в последние десятилетия, однако достаточно трудном для конкретного исполнения. Часть трудностей носит объективный характер, они лежат в самом состоянии материала. Поскольку у большей части этих сооружений было быстро разрушающееся стропильное перекрытие, не удивительно, что они находятся в состоянии руин. Здесь уместно было бы охарактеризовать физическое состояние памятников, - это показало бы, что автор диссертации не может ограничиться исключительно стилистическим анализом и должен обратиться к методам археологии. С. В. Тарханова сделала многое, чтобы преодолеть эти трудности, и в этом заключается одно из существенных достоинств этой работы. Предмет исследования С. В. Тархановой в значительной степени составляют памятники, выявленные раскопками. Это ставит проблему взаимодействия методов анализа искусствоведческого и археологического. Материальное состояние памятников предполагает известное ограничение применения стилистического анализа. Если перед нами почти одни фундаменты и нижние части стен, а перекрытия отсутствуют, то анализ художественных форм может быть основан только на реконструкциях (в последнее время – компьютерных), т. е. на гипотезах самого же автора. Даже если речь идет о таком простом сооружении, как стропильная базилика, и здесь можно представить себе базилику или четырехскатную, с повышенным центральным нефом, или же базилику под двускатной крышей, с значительно меньшим количеством оконных проемов.

Одной из важнейших задач диссертации С. В. Тархановой является «верификация устоявшихся представлений об эволюционном развитии» архитектуры синагог (с. 5). Это невозможно иначе, как путем проверки и уточнения датировок, - автор проявляет здесь большую эрудицию. С. В. Тарханова констатирует принципиальное обстоятельство: данные археологии не всегда совпадают с данными стилистического анализа. В ряде случаев автору удалось снять это противоречие (с. 5, 8). Действительно, анализ археологический и анализ стилистический имеют различную методику, различную природу, и их данные могут привести к различным результатам. Этот вопрос заслуживает специального внимания. Мы знаем случаи, например, в некоторых регионах Кавказа,

когда один стилистический анализ, при отсутствии данных археологии, может предложить лишь гипотетические и хрупкие датировки. Хорошо известны и обратные примеры: в изучении ранневизантийских памятников Херсонеса Таврического своеобразный «предмето-центризм» археологов, при отсутствии анализа архитектуры и декорации, привел к многолетним дискуссиям, однако не привел к положительным результатам. В своей работе С. В. Тарханова не только ясно обозначила ключевую проблему соотношения подходов археологического и искусствоведческого, но и сама приняла участие в «распутывании» некоторых спорных вопросов. Это очень важно с точки зрения убедительности и эффективности применяемых в диссертации методов. Это важно и для дальнейшего продолжения работы – она может быть успешной только при условии использования различных инструментов анализа.

С. В. Тарханова справедливо отмечает, что в исследовании синагог «недостаточно развит искусствоведческий анализ», что стилистический анализ «разработан не так хорошо» (с. 8). Здесь тоже можно было бы уточнить, пояснить. Дело не в том, что в изучении синагог «мало» стилистического анализа. Речь идет о иной традиции, о других подходах в сравнении с традицией российской. В изучении позднеантичного периода четкого разделения на дисциплины «история искусства» и «археология» практически не существует; ставится цель изучать избранный материал всеми доступными методами. Поэтому часто внимание не сфокусировано только на искусствоведческих аспектах, даже если исследователь является историком искусства. Это, например, случай диссертации Полины Донсель-Вут о напольных мозаиках Сирии, в которой главное внимание сосредоточено на литургике и эпиграфике. Добавим, что состояние и художественное качество материала не всегда позволяет применить приемы стилистического анализа. Поэтому закономерно и оправданно, что С. В. Тарханова избрала для подробного анализа архитектурной композиции синагог небольшую, но важную группу лучше сохранившихся и наиболее выразительных из пяти памятников.

Автор очень внимателен к вопросам историографии, - это тоже характерная черта современного этапа исследований. С. В. Тарханова справедливо считает важным «использование существующего историографического опыта в области изучения христианского искусства» и применение «богатейшего методологического аппарата, накопленного в византистике не за один век» (с. 3-4). В этом вопросе можно было бы высказать некоторые уточнения. По-моему, история археологической византистики не насчитывает веков, - напротив, ее развитие в средиземноморском ареале было более поздним в сравнении с классической археологией. То же и в Палестине: византийская археология не опережала общее развитие, сравнительно с библейской археологией

(археологией Ветхого Завета), а следовало за ним. Обобщающие труды работы по христианской археологии Палестины появились только в первых десятилетиях XX в. Говоря о методике, стоило бы выделить одну важную линию, актуальную для темы диссертации С. В. Тархановой: стратиграфический метод на почве Палестины и роль архитекторов. Современный стратиграфический метод разработал немецкий архитектор Вильгельм Дерпфельд в 70-80 гг. XIX в., успешно применив его сначала в Греции (Олимпия), затем в Трое. Интересно было бы проследить это развитие в Палестине, именно применительно к изучению позднеантичной архитектуры синагог и церквей.

С. В. Тарханова очень точно подметила, что мозаики синагог изучены значительно лучше, чем их архитектура (с. 9). Это «отставание» архитектуры от изучения живописи хорошо известно и в других странах или регионах, будь то раннехристианский Рим, византийское или древнерусское искусства. Интересно было найти ему объяснение.

В первой главе автор дает типологическую классификацию и периодизацию синагог. Для выделения типов определен набор доминантных признаков. В то же время отмечается, что границы групп достаточно подвижны. Эта глава насыщена разнообразной информацией, здесь мы еще раз убеждаемся в широкой эрудиции автора, владении весьма обширной литературой. Автор проделала большую работу по обоснованию новых датировок и новых реконструкций.

Вторая глава посвящена рассмотрению архитектурной композиции группы памятников, которые лучше сохранились и отражают характерные черты позднеантичных синагог региона. Автор предлагает новые реконструкции, стремясь определить место сохранившихся архитектурных элементов в первоначальной композиции. Волне можно согласиться с автором в том, что многие особенности синагог так же встречаются и в ранневизантийских базиликах. К их числу относится трибелон («тройная аркада»), который известен в Греции и в Крыму, где составляет черту больших базилик т. наз. «эллинистического типа». П-образная колоннада встречается в базиликах Малой Азии и Грузии. Высокие стилобаты для промежуточных междунэфных колоннад также известны в ранневизантийских базиликах Греции и в Крыму (Херсонес), в них изолированный характер центрального нефа подчеркнут и наличием плит-перегородок в интерколумниях, что было обусловлено особенностями богослужения. Положение атриума с одной из боковых сторон базилики также встречается в христианской архитектуре, как в самой Палестине (Иерусалим), так и в Греции.

Что же касается «несимметричных по главной оси композиций», которые, по мнению автора, характерны для сирийской архитектуры, можно заметить, что такие

композиции встречаются повсюду, что легко объясняется конкретными особенностями топографии или рельефа местности.

Вполне можно согласиться с мнением автора о том, что перестройка языческих храмов и синагог в церкви не были массовым явлением, - «едва ли подобный экстремизм был повсеместен» (с. 14). Действительно, в общей панораме многообразного использования христианами античного архитектурного наследия, более типичной была перестройка языческих сооружений (храмов, терм и пр.) в церкви уже после того, как они были заброшены и не использовались, т.е. в довольно позднее время, в VI-VII вв. Это особенно касается культовых сооружений.

В третьей главе автор рассматривает декорацию синагог. Главное внимание здесь уделяется пластическому декору, поскольку он меньше изучен. Эта глава содержит много интересных наблюдений, в частности, о вывозе деталей из константинопольских проконнесских мастерских. Обычно этот мрамор доставляли самым экономичным, морским путем. Наличие привозного мрамора во внутренних районах указывает на важность построек. Автор делает вывод о том, что стилистические тенденции декора лишь частично совпадают с типологическими характеристиками.

В четвертой главе проанализирована строительная техника. То обстоятельство, что многие синагоги были построены из базальта, позволяет сделать широкие сопоставления синагог с церквями южной Сирии. В Сирии архитектура т. наз. «базальтового района» значительно отличается от построек северного «известнякового массива».

В этой же главе рассмотрены споллии. Споллии широчайшим образом применялись как в византийском ареале, так и в Италии. Споллии вызвали многочисленные подражания, реплики, нередко они служили стилеобразующим элементом нового изобразительного языка. Поэтому, как мне кажется, споллии более логично было бы включить в 3 главу, вместе со скульптурным декором. Автор и сама убедительно показывает, что споллии использовались далеко не только как простой строительный материал.

Безусловно, автореферат диссертации С. В. Тархановой дает полное представление о том, что перед нами весьма серьезное капитальное исследование, выполненное на высоком научном уровне.

Внимательный читатель может отметить лишь очень незначительные неточности или неясности, мелкие ошибки, или, возможно, простые опечатки.

Одним из важных выводов работы является выделение 8 типологических групп синагог (с. 17). Такая классификация вполне обоснованна. Здесь возникает только один небольшой вопрос: две группы обозначены терминами «Breitraum» и «Quadratbau». Не

совсем понятно, кому принадлежат эти термины: если автору диссертации, то почему на немецком языке? А если немецкому автору, то кому? И почему в случае с «широкой», т.е. поперечно-ориентированной синагогой речь идет о помещении или пространстве (Raum), а в случае с квадратной синагогой – о здании, конструкции (Bau), - это не одно и то же.

В заглавии диссертации хронологических рамках поздней античности обозначены слишком широко, как III-VII вв. (возможно, это было сделано из соображений краткости). Однако традиционно III в. относится к средне-императорской эпохе, а из всего VII в. имеется в виду только его начало. Этот «конец эпохи» маркирован либо концом понтификата Григория Великого (на Западе), либо нашествием персов (на Востоке). Правда, далее в тексте сама автор правильно уточняет, что работа охватывает период между рубежом III-IV вв. и самым началом VII в. (с. 3).

На с. 13 встречаем слово «ойкус». Я сомневаюсь, что в греческом слове уместно латинское окончание. На той же странице выражением «возвратный неф» обозначено западное пространство в синагогах с П-образным расположением опор. Этот необычный термин желательно было бы или объяснить, или, еще лучше, привести в немецком оригинале. В грузинской архитектуре базилики с таким расположением опор трактуются как «базилики с обходом», - имеется в виду обход вокруг центрального нефа. По моему мнению, выражение «peopled scroll» (часто обозначается также как “inhabitant scroll”) лучше переводить как «обитаемый завиток» (с. 16). Об именах упоминаемых авторов: Джон Крауфут, а не «Г. Крауфут» (с. 3), Мельхиор Вогюз, а не «Вогюз» (с. 6).

Разумеется, эти незначительные, мелкие или, точнее сказать, мельчайшие шероховатости в тексте автореферата никак не могут повлиять на общую высокую оценку работы С. В. Тархановой. Автореферат, безусловно, отражает содержание диссертации и ее выводы. Основные положения диссертации получили превосходную апробацию в научной среде – об этом свидетельствует впечатляюще-обширный список публикаций.

По моему мнению, серьезная, глубокая и во многом новаторская работа С. В. Тархановой полностью отвечает всем требованиям, которые предъявляются к квалификационной работе на соискание ученой степени кандидата искусствоведения, и вполне заслуживает искомой степени.

Представляется желательной публикация диссертации С. В. Тархановой в виде монографии.

Л.Г. Хрушкова, д.и.н., проф. Московского Государственного университета им. М. В. Ломоносова.

